DOI: 10.53737/2713-2021.2025.60.69.018

Р.Т. Дарменов, Ж.К. Султанжанов, С.Н. Каржаубаева, А.Ж. Назаров

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ: МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ*

В статье рассматриваются археологические находки с городища Джанкент и других памятников Приаралья, отражающие религиозные верования огузских племён VIII—XI вв. Выделены два основных пласта: домусульманские культы с пережитками архаических верований (фаллические символы, образ «Хозяина зверей») и свидетельства исламизации (куфические надписи, исламская символика). Рассматриваются антропоморфные и зооморфные изображения, связанные с индоевропейскими и тюркскими мифологическими традициями, а также их трансформация под влиянием ислама. Особое внимание уделено синкретизму верований, сочетающему местные, ирано-индийские и тюркские элементы. Материалы демонстрируют эволюцию религиозных представлений от культа женских божеств плодородия к андроцентрическим образам, отражающим социальные изменения и интеграцию региона в исламский мир.

Ключевые слова: Джанкент, огузы, домусульманские верования, исламизация, фаллический культ, антропоморфный, синкретизм.

Сведения об авторах: Дарменов Рустем Турарбекович[1], старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан; Султанжанов Жетесби Канапиевич[2], PhD-докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Каржаубаева Сангуль Камаловна[3], доктор искусствоведения, Казахская Национальная академия искусств им. Т. Жургенова; Назаров Агабек Женисбекулы[4], PhD-докторант, Казахская национальная академия искусств имени Т. Жургенова.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]120001, Казахстан, г. Астана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru; [3]050000, Казахстан, г. Алматы, ул. Панфилова, 127, Казахская Национальная академия искусств им. Т. Жургенова, e-mail: sangul_k@mail.ru; [4]120001, Казахстан, г. Алматы, ул. Панфилова, 127, Казахская национальная академия искусств им. Т. Жургенова, e-mail: diz_agabek@mail.ru.

R. Darmenov, Z. Sultanzhanov, S. Karzhaubayeva, A. Nazarov

MYTHOLOGICAL ARCHETYPES OF THE EASTERN ARAL SEA REGION: MATERIALS FROM THE SETTLEMENT OF JANKENT

The article describes archaeological finds from the settlement of Jankent and other sites in the Aral Sea region, reflecting the religious beliefs of the Oghuz tribes from the 8th to the 11th cc. Two main layers are identified: pre-Islamic cults with remnants of archaic beliefs (phallic symbols, the image of the “Master of Animals”) and evidence of Islamization (Kufic inscriptions, Islamic symbolism). The study examines anthropomorphic and zoomorphic images linked to Indo-European and Turkic mythological traditions, as well as their transformation under the influence of Islam. Special attention is given to the syncretism of beliefs, combining local, Iranian-Indian and Turkic elements. The materials demonstrate the evolution of religious concepts from the cult of female fertility deities to androcentric imagery, reflecting social changes and the region's integration into the Islamic world.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19578213 «Актуализация археологического наследия Восточного Приаралья (систематизация новых архивных данных Хорезмской археолого-этнографической экспедиции»).

Статья поступила в номер 20 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июля 2025 г.

© Р.Т. Дарменов, Ж.К. Султанжанов, С.Н. Каржаубаева, А.Ж. Назаров, 2025.

Key words: Jankent, Oghuz, pre-Islamic beliefs, Islamization, phallic cult, anthropomorphic, syncretism.

About the author: Darmenov Rustem[1], Leading Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan; Sultanzhanov Zhetesbi[2], PhD student at L.N. Gumilyov Eurasian National University; Karzhaubayeva Sangul[3], Doctor of Art Studies, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts; Nazarov Agabek[4], PhD-student, T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts.

Contact Information: [1]010000, Kazakhstan, Astana, Tauelsizdik Ave. 54, National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]120001, Kazakhstan, Astana, L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru; [3]050000, Kazakhstan, Almaty, Panfilov Street, 127, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, e-mail: sangul_k@mail.ru; [4]120001, Kazakhstan, Almaty, Panfilov Street, 127, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, e-mail: diz_agabek@mail.ru.

Введение. С 2004 г. в результате археологических раскопок на городище Джанкент были получены ценные материалы, значительно расширяющие наши представления о религиозных культах и мировоззрении огузских племен VIII—XI вв. На сегодняшний день можно выделить два основных блока данных: материалы, отражающие домусульманские верования огузов, и свидетельства их интеграции в исламский мир.

Доисламские культы огузов были подробно рассмотрены в работах Э.Д. Зиливинской, Р.Т. Дарменова и А.А. Тажекеева. Исследователи выявили многочисленные пережитки архаических верований, сохранившиеся в архитектурных элементах жилых построек на таких памятниках, как Джанкент, Кескен-Куюк-кала, Сортобе и других поселениях Приаралья (Зиливинская 2013: 100—107; Дарменов и др. 2018: 109—122).

Что касается исламской символики, ее следы четко прослеживаются на территории Джанкента. Эти находки, включая предметы с куфическими надписями и исламскими мотивами, активно вводятся в научный оборот и свидетельствуют о глубокой культурной трансформации в регионе (Дарменов и др. 2024: 512—526).

Городище Джанкент, упоминаемое как столица Огузского государства, является одним из наиболее изученных средневековых поселений Восточного Приаралья. Археологические и нумизматические находки демонстрируют устойчивые торгово-политические связи между арабским Востоком и тюркским миром. Эти контакты подтверждаются находками артефактов с арабскими надписями и исламской символикой.

Там же, на Джанкенте, археологами были обнаружены предметы, использовавшиеся в повседневной жизни, но одновременно обладавшие охранной функцией. Эти артефакты восходят к древним индоевропейским фаллическим культам и, по всей видимости, связаны с широко распространенным в древних культурах мифологическим образом «Хозяина зверей» (Master of Animals) — защитника, покровителя природы и дикой фауны (Arnold, Counts 2010: 11—22). Наличие подобных предметов свидетельствует о сложном синкретизме верований, в которых переплетались тюркские, индоевропейские и местные традиции, отражая богатство духовной культуры домусульманского населения Приаралья.

Материалы исследования. На раскопе № 1 при расчистки жилого помещения № 33 была найдена костяная накладка с иконографическим сюжетом.

Костяная накладка с зооморфным и антропоморфным оформлением одного из концов. Изделие вырезано из крупной трубчатой кости. Нижний край накладки обломан, сохранившаяся длина — 18,3 см, ширина накладки внизу слегка сужена — 4 см, в верхней части — 8 см. На верхнем крае накладки вырезаны две смотрящие друг на друга головы драконов, с широко раскрытыми пастями, между которыми размещен человек. Запечатлена фигура человека, стоящего с раскинутыми руками, ноги сложены вместе. Голова, к сожалению, утеряна. Руки показаны только в пределах предплечья, которые с двух сторон упираются в шею драконов. На теле человека четко показана одежда. Это верх, в виде короткого до пояса кафтана с треугольным V — образно вырезанным воротником, пятью

пуговицами на правой стороне, напротив которых пять коротких резных линий, возможно петелек для застегивания. Ниже вырезан широкий пояс, с косыми линиями поперек. Головы животных показаны четко, глаза в виде сквозных круглых отверстий, суженные кверху уши с углублениями по центру. Особый акцент сделан на раскрытые пасти, где четкими надрезами показаны крупные зубы. На щеках драконов нанесены круглые надрезы с центральной точкой. Под головами на шее вырезаны параллельные линии, чередующиеся с тремя горизонтальными рядами точечных надавливаний. Такой же орнамент из параллельных линий и точек нанесен на обратный конец накладки. По центру накладки по плану креста нанесены круглые надрезы с точечным углублением по центру. Также на поверхности накладки имеются четыре сквозных отверстия для ее крепления (рис. 1:1) (Отчет Жанкент 2017).

Данный иконографический сюжет на протяжении многих сотен лет, в котором воспроизводится человек (царь, воин или бог) борющийся или стоящий между двумя могущественными существами, такими как дракон, бык или лев, восходит к первобытному времени. Он является универсальным отображением власти и силы над природным миром.

Бронзовая подвеска с близкой иконографией была обнаружена на синхронном памятнике Кескен-Куюк-кала, расположенном в 40 км от Джанкента (рис. 1: 2). Фигурка выполнена из бронзы, имеет размеры 2,2 × 2,5 × 0,2 см. Лицевая сторона рельефная, обратная — вогнутая. Изделие отлито в форме. На рельефной стороне детализировано изображение костюма и анатомических особенностей; голова утрачена. Мужская фигура представлена в плотно облегающем длинном кафтане (до уровня чуть ниже колен) с узкими рукавами. Отвороты отсутствуют. В центральной части туловища две параллельные линии обозначают перекрытие одежды — вероятно, левая сторона кафтана закрывала правую. Брюки слабо читаются, но заметно, что они неширокие. Обувь изображена в виде коротких сапог. Особое внимание уделено позе: человек демонстрирует обнаженные гениталии, раздвигая полы кафтана обеими руками непосредственно под поясом (Voyakin 2022: 503—531).

На этом же памятнике в 1963 году Б.И. Вайнберг была обнаружена бронзовая фигурка-пряжка (рис. 1: 3). Ее длина составляет 3,8 см, ширина около 2 см, толщина 2 мм. Голова слегка выступает над туловищем на 1,5 мм. Изображен мужчина с немного расставленными ногами и опущенными, слегка разведенными руками. Туловище прямое, стержнеобразной формы, несколько шире рук. Проработана только лицевая сторона — задняя плоская, за исключением области головы и плеч, где имеется легкое углубление (Левина 1968: 171).

Аналогичные плоские бронзовые изображения стоящих мужских фигур с подчеркнуто выраженным половым признаком, а иногда также с проушиной для подвешивания, зафиксированы и на других близлежащих памятниках среднего и нижнего течения Сырдарьи.

На памятниках джетыасарской культуры, расположенных в бассейне реки Куандарьи — одного из старых русел нижней Сырдарьи (вторая половина I тыс. до н.э. — VIII в.н.э.), предшествующей культуре «болотных городищ», встречаются антропоморфные и зооморфные изображения, выполненные из бронзы и глины (Толстов 1948: 125—140; 1962: 186—198).

В ходе раскопок и среди подъемного материала на памятниках джетыасарской культуры были обнаружены в большом количестве бронзовые антропоморфные изображения. Дадим описание одной из пряжек.

В кургане № 1 курганной группы Джеты-Асар № 3 (Алтын-Асар) была обнаружена бронзовая пряжка в форме человеческой фигурки. Изделие выполнено в технике литья; его длина составляет 3,5 см, ширина — 2 см, толщина — около 2 мм. Фигурка представляет собой схематичное изображение обнаженного мужчины, стоящего в прямой позе, со слегка расставленными руками и ногами. Рельеф проработан только с лицевой стороны. На затылочной части, в области шеи, расположена петелька для крепления.

Черты лица выполнены схематично: выделяется прямой нос, остроконечная борода. Над лбом имеется небольшой выступ высотой 3 мм и шириной 5 мм — вероятно, стилизованное изображение головного убора. На основании стилистических и технологических признаков пряжка датируется IV—V вв. н.э.

Еще одна находка из низовьев Сырдарьи происходит из окрестностей железнодорожной станции «Аральское море» (рис. 1: 5). Бронзовая литая фигурка представляет собой изображение стоящего обнаженного мужчины в головном уборе; руки опущены вдоль тела. Высота фигурки составляет 13,5 см, ширина — 3,8 см, толщина — около 2 мм. На сохранившейся руке отчетливо переданы пальцы. Голова имеет вытянутую форму, сужающуюся кверху. На ней изображен высокий головной убор, напоминающий башлык или шлем колпакообразного типа. В верхней части передней стороны головного убора имеется вырез в форме двух надглазничных дуг. Над переносицей выделяется резкий выступ, от которого к вершине идет четкая грань, напоминающая гребень. Фигурка частично повреждена (Левина 1968: 172).

Бронзовые фигурки обнаженных мужчин, обнаруженные в ходе археологических раскопок, исследователи связывают с фаллическим культом, уходящим корнями в глубочайшую древность. Происхождение этого культа восходит к архаическим формам анимизма, присущим мировоззрению первобытного человека. Одним из центральных элементов подобных верований было представление о множественности душ, согласно которому у каждого индивида существовало несколько душ, включая души, якобы обитавшие в отдельных частях тела.

На этом фоне фаллос начинает осмысляться не просто как анатомическая деталь, а как одушевленный, наделенный собственной волей субъект. Он приобретает статус сакрального символа, способного к автономному существованию и чудодейственному действию. Именно в этом качестве фаллический образ широко представлен в культовой практике, художественном и прикладном искусстве древних культур — как знак плодородия, жизненной силы, защиты и изобилия.

Сюжетная линия костяной накладки отсылает нас к архетипам древневосточных эпосов и мифологических представлений, которые нашли отклик в тюркоязычных эпических традициях. Одним из древнейших и наиболее значимых повествований человечества можно считать шумерское сказание о борьбе Гильгамеша с Агой, в котором ярко проявляется архетипический мотив — поединок героя с чудовищем. Особенно выразительно он воплощен в сцене битвы Гильгамеша и Энкиду с хранителем кедрового леса Хумбабой (или Хувавой).

Значимым элементом шумерского эпоса является также сцена змееборства, в которой Гильгамеш убивает волшебную змею (Leeman 2019: 1—21). Несмотря на кажущуюся простоту этого образа, мифологическая фигура змеи занимает центральное место в символическом пространстве множества культур. Как отметил В. В. Иванов, змея в мифологии часто выступает двойственным символом: с одной стороны, она связана с плодородием, женским началом, водой и землей, с другой — с огнем, мужским началом, оплодотворением и охраной очага (Иванов 1991: 468—471). Эта амбивалентность образа змеи ярко прослеживается и в тюркской мифологической системе, где змеи могут быть как защитниками, так и врагами эпических героев.

У башкир, согласно свидетельствам арабских путешественников X в., существовало почитание змей как родовых тотемов, известных под названием «ырый ыйлан». В записях Ибн Фадлана описано: «Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, накрутился десяток из них и более. Они не убивают их, и они (змеи) им не вредят» (Ковалевский 1956: 135). Ф. Хисамитдинова утверждает, что змеи всегда воспринимались как враги, и при встрече с ними башкиры стремились их убивать. Однако, белая змея была исключением: ее убивать было запрещено, так как она считалась царем змей и дарителем счастья, хотя поклонения ей не существовало. Запрет на ее убийство, по мнению Ф. Хисамитдиновой и Ф. Торма исходил из страха перед этим существом. Тем не менее, исследователи, изучая народные традиции, не учли наличие культа змеи у прототюрков, который существовал в более ранние времена. (Хисамитдинова 2000: 195—199; Хисамитдинова, Торма 1997: 134—135).

Этот сюжет, впервые столь подробно зафиксированный в шумерской традиции, вероятно, уходит корнями в доисторические времена и архаические формы языческого мировоззрения. Именно этим объясняется его универсальность и удивительная живучесть: он трансформируется от эпохи к эпохе, вплетаясь в самые разные мифологические и религиозные системы — от дуализма зороастризма до античных мифов, а также в средневековый западноевропейский эпос (Кун 1975: 381—384; Гомер 1982; Беовульф 1975).

Мотив борьбы с чудовищем продолжает развиваться в сказаниях о борьбе с Небесным Быком или гигантской птицей Анзуд (Сэмруг, Каракош, Алпкаракош). В тюркских эпических традициях этот мотив, хотя и менее распространен, тем не менее, находит свое отражение, а взаимодействие героя с мифическими существами становится устойчивым элементом тюркского эпоса (Урал батыр 1998: 27—136).

Отличительной особенностью бронзовых подвесок из Приаралья является их гендерная однотипность — все они изображают мужчин. Это затрудняет интерпретацию этих артефактов в контексте конкретного божества и связанного с ним культа. Иконография подобных подвесок, по всей видимости, отражает стадию формирования новой религиозно-обрядовой идеи, возникшей как ответ древнего общества на трансформации в экономической и социальной сферах определенной исторической эпохи.

Непортретный характер изображений и отсутствие четкого ритуального контекста, в котором они были обнаружены, позволяют предположить их связь не с официальными религиозными институтами, а с обрядами и верованиями традиционной народной религии. В этом свете бронзовые подвески могут рассматриваться как материальное свидетельство бытовых форм религиозности и доинституциональных культов.

Следует отметить, что в более ранние периоды (I тыс. до н.э.) на территории Приаралья доминировали иные формы сакральной пластики — керамические и гипсовые статуэтки женского облика, очевидно связанные с пантеоном богинь плодородия.

На городище Чирик-рабат было открыто культовое сооружение — храм. Здание располагалось в южной части средневековой цитадели площадью 270 кв. м, доминировало над крепостью и входило в фортификационную систему средневековой цитадели. В ходе исследования, были выявлены три комнаты и три ритуальные площадки. В помещении № 1, расположенном в северо-восточной части сооружения размерами 2 × 3 м, были найдены скульптуры двух женщин из гипса, размещенных в сидячем положении. Основанием для предположения о моделировке тел персонажей являются открытые в ходе археологических работ остатки четырех «ног», расположенных в ряд на небольшом расстоянии друг от друга, согнутых в коленях. Часть ступни одной ноги (из-за плохой сохранности гипсового слоя и в связи с неимением на тот момент в полевых условиях закрепляющих средств) была утрачена после фотофиксации. Части скульптур в области таза и найденные в завале три женские груди были извлечены и по окончании раскопок были перевезены в Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Каркас скульптур, вероятно, был изготовлен из дерева, обмотанного тканью из тонковолокнистого хлопка. Поверх него с помощью гипса была сформирована форма скульптур. Гипс покрывался слоем краски. Под скульптурами имеется плотный слой остатков ритуальной тризны. Слой представлял собой смесь истлевшей органики, золы и остатков остеологического материала. Плотность слоя — 30 см.

Другой предмет, несущий информацию о культе женского божества, был получен во время расчистки с целью выявления метода строительства второй оборонительной стены городища Чирик-рабат, в ее северо-западной части. Здесь в заполнении кладки стены был обнаружен фрагмент головы женской статуэтки. Она вырезана из цельного уплощенного куска гипса с обильными примесями. Голова статуэтки имеет антропоморфные признаки, верх головы скруглен, глаза и нос выделены углублением, рот и брови отмечены краской, губы выкрашены красной краской, брови — черной. Высота фрагмента статуэтки 4,5 см, ширина 4,3 см, толщина 0,8—1,4 см. Остатки краски сохранились на щеках фигурки.

Еще одна статуэтка обнаружена в помещении № 1 квадратного святилища, расположенного на стыке второй и третьей оборонительной стены. Какая-либо атрибутика на ее поверхности отсутствует. Верхняя часть головы статуэтки скругленная, четко выделены плечи. Высота 5,5 см, ширина 3,2 см, толщина 0,3—0,6 см (Дарменов 2025: 47—62).

Необходимо отметить, что это не единственные находки подобных предметов на городище Чирик-рабат. В 60-ые гг. XX в. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией также были выявлены антропоморфные статуэтки. Одна из них хранится в фонде Государственного музея искусства народов Востока. Это антропоморфная фигурка с круглым лицом. Верх головы скруглен, очень четко намечен левый глаз миндалевидной формы, на лице также рельефно намечен прямой и длинный нос. Шея короткая. Руки и ноги в виде коротких конических отростков расставлены вместе, бедра широкие. Правая нога отбита. Фигурка сделана из слюды. Размер: высота 5,5 см, ширина 2,8 см, толщина 0,8 см.

Схожие антропоморфные идолы были обнаружены в седьмом ярусе помещения 1А нижнего горизонта «Большого дома» на Алтын-Асаре. Один из них — выполнен из необожженной глины, длиной 4,4 см, шириной 1,5 см и толщиной от 0,9 см в нижней части до 1 см в области головы. Задняя сторона фигурки плоская, руки и ноги не выделены, лишь голова профилирована. На лице нос обозначен выпуклостью, а рот, глаза и брови выполнены с помощью точек и прорезных линий; брови резко приподняты к вискам, подбородок акцентирован. В том же нижнем горизонте «Большого дома», в девятом ярусе помещений 21, были найдены еще два аналогичных идола (Левина 1968: 168).

Однако, со временем эти изображения уступают место новым культовым формам, ориентированным на мужское начало, что может отражать смену религиозных парадигм и социальной структуры.

Заключение. Сравнительный анализ религиозно-мировоззренческих систем оседлых земледельческих обществ Средней Азии и кочевых племен степного Казахстана выявляет фундаментальные различия в структуре их духовной культуры и пантеонов. Земледельческим культурам Средней Азии был присущ акцент на почитании хтонических божеств, связанных с плодородием, материнским началом и землей, что отражает устойчивую связь этих обществ с аграрным циклом и оседлым образом жизни.

Мировоззрение степных племен Казахстана формировалось в рамках индоевропейской традиции и имело ярко выраженный андроцентрический характер. Пантеон этих культур в основном состоял из уранических мужских божеств воинственного типа, ассоциируемых с небесной сферой, огнем, солнцем и силой. Эти представления непосредственно отражали социокультурные условия кочевого образа жизни, где важнейшими аспектами были военная доблесть, пастушеский цикл и идея небесной власти.

В период Великого переселения народов и формирования Тюркских каганатов появляются новые формы антропоморфных изображений малых форм. Среди них выделяются бронзовые амулеты в виде героизированного всадника, иконография которых позволяет с точностью определить этнокультурную принадлежность на основе деталей костюма и вооружения. Один из ярких примеров — литая плоская фигурка всадника из Сидака (размеры 34 × 36 мм, вес 12,3 г), обнаруженная в верхнем культурном слое. Всадник изображен анфас, сидящим на шагающем вправо коне с приподнятой передней левой ногой. В левой руке он держит предмет, схожий с кубком, а правая рука тянется к колчану, тип которого характерен для VII—VIII вв. (Смагулов 2014: 210).

Подобные амулеты являются хорошо известными находками среди раннесредневековых древностей Евразии. Их морфологии и семантике посвящено несколько обобщающих исследований (Борисенко, Худяков 2007: 102—115; Воронцов, 2001: 409—411; Сунгатов, Юсупов 2006: 246—256).

Исчезновение подвесок-амулетов, по общему мнению, связано с проникновением новой религии — ислама и запретом на ношение антропоморфных и зооморфных изображений. Их заменило большое количество мусульманских талисманов с коранических текстами,

нанесенными на различные материалы и предметы. Мировоззрение неофитов повлияло на основы мусульманского вероучения и способствовало созданию суфийских орденов, а также аллегорическому истолкованию Корана. Характер использования слова «Аллах» привел к широкому распространению фрагментов коранического текста в быту. Вера в магическую силу «слова Аллаха» вызвала массовое появление аятов и сур на изделиях оружейников, ювелиров, гончаров, строителей и ткачей (Резван 2011: 149—178).

Таким образом, религиозно-мировоззренческие установки оседлых и кочевых обществ демонстрируют не просто различие, но, скорее, антагонистическую направленность, обусловленную как экологическими, так и социально-экономическими факторами развития соответствующих культурных ареалов. Вся мифология, связанная с борьбой человека с дикими зверями или хтоническими существами, восходит к первобытным верованиям, где человек (или герой, шаман, божество) стремится обрести власть над природой — как в прямом, физическом, так и в сакральном, символическом смысле. Одним из наиболее устойчивых архетипов, отражающих это представление, является образ Мастера Животных (рис. 1: 6) (Leeman 2019).

Эта фигура, чаще всего изображаемая стоящей между двумя животными (львами, быками, змеями и т.п.), которые он контролирует или сдерживает. Этот мотив универсален и проявляется в иконографии разных культур: от шумерской и хеттской до минойской, скифской и даже кельтской. В каждом случае он несет схожую семантическую нагрузку — герой как посредник между культурой и природой, между земным и божественным.

Литература

Беовульф. 1975. *Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*.. Москва: Художественная литература, (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 9).

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. 2007. Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья. *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири* 6, 66—74.

Воронцов В.В. 2001. Бронзовые изображения всадников I — начала II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья. В: Тишкин А.А. (ред.). *Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 25—30 марта 2001 г.)*. Барнаул: Алтайский университет, 409—412.

Гомер. *Одиссея*. 1982. Москва: Московский рабочий2.

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. 2018. Ритуальные очаги на городище Жанкент. *Народы и религии Евразии* 4 (17), 109—122.

Дарменов Р.Т., Хасенова Б.М., Назаров А.Ж. 2024. Перстень-печать с надписью «Muhammad» из средневекового городища Джанкент. *МАИАСП* 16, 512—526.

Дарменов Р.Т. 2025. О культе женского божества у ранних кочевников Приаралья. *Исторические исследования* 1, 47—62.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Жанкент. *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук* 3, 2013, 100—107.

Иванов Вяч.Вс. 1991. Змей. *Мифы народов мира.* Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 468—471.

Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: ХГУ.

Кун Н.А. 1975. Одиссей на острове циклопов. Полифем. *Легенды и мифы Древней Греции.* Москва: Просвещение, 381—384.

Левина Л.М. 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. В: Виноградов А.В. и др. (ред.). *История, археология и этнография Средней Азии.* Москва: Наука, 167—178.

Отчет Жанкент 2017: Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Жанкент, Казалинского района, Кызылординской области в 2017 г.». Руководитель темы: PhD, руководитель центра «Археологии и этнографии» Кызылординского государственного университета имени Коркыт Ата А. Тажекеев. Кызылорда.

Резван М.Е. 2011. *Коран в системе мусульманских магических практик.* Санкт-Петербург: Наука, .

Смагулов Е.А. 2014. Бронзовый амулет из Сидака. *Поволжская археология* 1 (7), 206—222.

Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. 2006. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала. В: Мажитов Н.А. (ред.). *Южный Урал в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка*. Уфа: Гилем, 112—120.

Толстов С.П. 1948. *По следам древнехорезмийской цивилизации.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* Москва: Восточная литература.

Урал батыр. 1998. *Башҡорт халыҡ ижад.* III том. Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте.

Хисамитдинова Ф.Г. 2000. Змея в традиционной этиологии и лечебной магии башкир. *Ватандаш* 9, 195—199.

Хисамитдинова Ф.Г., Торма Й. 1997. Змея в традиционной этнологии и лечебной магии башкир. *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность*. *Труды международной конференции*. Т. 3. Москва: ИНСАН, 134—135.

Arnold B., Counts D.B. 2010. Prolegomenon: The many masks of the master of animals. The Master of Animals in Old World Iconography. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 11—22.

Voyakin D. 2022. The Hidden Oghuz Some Remarks on the Archaeological Investigation of the Kesken-Kuyuk-Kala Site. In: Baumer Ch., Novák M., Rutishauser S. (eds.). *Cultures in Contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022, 503—531.

Leeman D. 2019. Master of the Animals in Ancient Times. URL: https://www.academia.edu/42513265/Master_of_the_Animals_in_Ancient_Times (дата обращения 10.05.2025).

References

Beovul'f, 1975. *Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungah (The Elder Edda. The Song of the Nibelungs)*. Moscow: Hudojestvennaya literatura (Library of World Literature. 1st series. Vol. 9) (in Russian).

Borisenko, A.Yu., Hudyakov, Yu.S. 2007. In: Soenov, V.I., Oinoshev, V.P. (eds.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yujnoy Sibiri (Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia)* 6, 66—74 (in Russian).

Vorontsov, V.V. 2001. In: Tishkin, A.A. (ed.). In: *Istoriko-kulturnoe nasledie Severnoy Azii: itogi i perspektivy na rubezhe tysyacheletiy. Materialy XLI Regional'noy arkheologo-etnograficheskoy studencheskoy konferentsii (Barnaul, 25—30 marta 2001 g.) (Historical and cultural heritage of Northern Asia: results and prospects at the turn of the millennium.)*. *Proceedings of the 41st Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference (Barnaul, March 25—30, 2001)*. Barnaul: Altaiskiy universiyet, 409—412 (in Russian).

Gomer, 1982. *Odisseya (Odyssey).* Moscow: Moskovskiy rabochiy (in Russian).

Darmenov, R.T., Tazhekeev, A.A. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Peoples and religions of Eurasia)* 4 (17), 109—122 (in Russian).

Darmenov, R.T., Khassenova, B.M., Nazarov, A.Zh. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 512—526 (in Russian).

Darmenov, R.T. 2025. In *Istoricheskie issledovaniya (Historical research)* 1, 47—62 (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2013. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshestvennyh i gumanitarnyh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and humanitarian sciences)* 3, 100—107 (in Russian).

Ivanov, V. 1991. In: *Mify narodov mira (Myths of the peoples of the world).* Vol. 1. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 468—471 (in Russian).

Kovalevskiy, A.P. 1956. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. (The book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921—922).* Kharkov: HGU.

Kun, N.A. 1975. In: *Legendy i mify Drevnej Grecii (Legends and Myths of Ancient Greece).* Moscow: Prosvesheniye, 381—384 (in Russian).

Levina, L.M. 1968. In: Vinogradov, A.V. et al. (eds.). In: *Istoriya, arheologiya i etnografiya Srednej Azii (History, archeology and ethnography of Central Asia).* Moscow: Nauka, 167—178 (in Russian).

Otchet Zhankent 2017: Otchet o nauchno-issledovatelskoj rabote po teme: "Arheologicheskie issledovaniya na gorodishe Zhankent, Kazalinskogo rajona, Kyzylordinskoj oblasti v 2017 g.". Rukovoditel' temy:

PhD, rukovoditel' tsentra “Arkheologii i etnografii” Kyzylordinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Korkyt Ata A. Tazhekeyev. Kyzylord. Kyzylorda (in Russian).

Rezvan, M.E. 2011. *Koran v sisteme musulmanskih magicheskih praktik (The Koran in the system of Muslim magical practices).* Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Smagulov, E.A. 2014. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga region archeology)* 1 (7), 206—222 (in Russian).

Sungatov, F.A., Yusupov, R.M. 2006. In: Mazhitov, N.A. (ed.). In: *Yuzhnyj Ural v skifo-sarmatskoe vremya. Sbornik statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka (The Southern Urals in the Scythian-Sarmatian period. Collection of articles for the 70th anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk).* Ufa: Gelem, 112—120 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1948. *Po sledam drevnehorezmijskoj civilizacii (Following the ancient Khorezmian civilization).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of Oxa and Yaxarta)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

1998. In: *Bashҡort halyҡ izhad (Bashkir people's art).* Vol. III. Ofo: Bashҡortostan «Kitap» nashriate (in Russian).

Hisamitdinova, F.G. 2000. In *Vatandash* 9, 195—199 (in Russian).

Hisamitdinova, F.G., Torma, Y. 1997. In: *Yazyki, duhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: tradicii i sovremennost'. Trudy mejdunarodnoi konferencii (Languages, spiritual culture and history of Turkish people: traditions and sovereignty. Works of Worldwide Conference).* Vol. 3. Moscow: INSAN, 134—135 (in Russian).

Arnold, B., Counts, D.B. 2010. Prolegomenon: The many masks of the master of animals. The Master of Animals in Old World Iconography. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 11—22.

Voyakin, D. 2022. The Hidden Oghuz Some Remarks on the Archaeological Investigation of the Kesken-Kuyuk-Kala Site. In: Baumer, Ch., Novák, M., Rutishauser, S. (eds.). *Cultures in Contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022, 503—531.

Leeman, D. 2019. Master of the Animals in Ancient Times. URL: https://www.academia.edu/42513265/Master_of_the_Animals_in_Ancient_Times (дата обращения 10.05.2025).

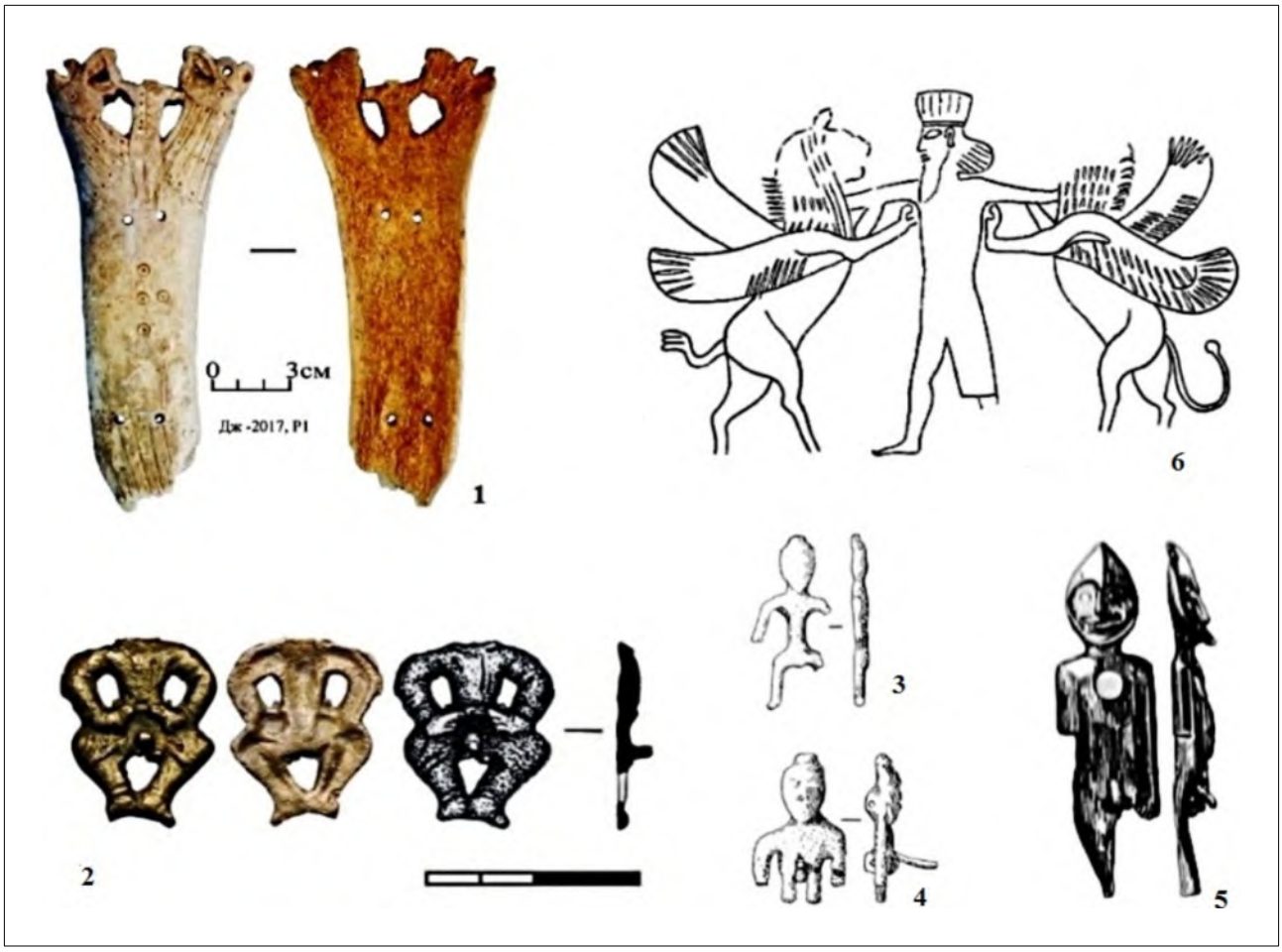

Рисунок 1. *1* — Джанкент. Раскоп №1. Костяная накладка на лук (рисунок Р.Т Дарменова); *2* — Кескен-куюк-кала. Бронзовая фигурка обнажённого мужчины. Случайная находка (по Voyakin 2022: рис. 13); *3* — Кескен-куюк-кала. Бронзовая фигурка (по Левина 1968: рис. 2.3); *4* — курган 1 северо-восточной группы Алтын-асара (по Левина 1968: рис.2.2); *5* —Железнодорожная станция «Аральское Море» (по Левина 1968: рис.2.1); *6* — оттиск печати изображает царя, раздвигающего двух львиных существ с крыльями. Различные хвосты у этих существ могут иметь особое значение (по Leeman 2006: fig. 30).

Fig. 1. *1* — Jankent. Excavation No.1. Bone bow overlay (drawing by R.T. Darmenov); *2* — Kesken-kuyuk-kala. Bronze figurine of a nude male. An accidental find (after Voyakin 2022: fig. 13); *3* — Kesken-kuyuk-kala. Bronze figurine (after Levina 1968: fig. 2.3); *4* — Mound 1 of the north-eastern group of Altyn-asar (after Levina 1968: fig. 2.2); *5* — Aral Sea railway station (after Levina 1968: fig. 2.1); *6* — Seal impression with the image of a king pushing apart two lion-like creatures with wings. The different tails of these creatures may have special significance (after Leeman 2006: fig. 30).